

Олег Северюхин

**ЛИЧНЫЙ
ПОВЕРЕННЫЙ
ТОВАРИЩА
ДЗЕРЖИНСКОГО**

В пяти томах. Книги 4—5

Олег Северюхин

**Личный поверенный
товарища Дзержинского.
В пяти томах. Книги 4—5**

«Издательские решения»

Северюхин О. В.

Личный поверенный товарища Дзержинского. В пяти томах.
Книги 4—5 / О. В. Северюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741469-6

Приключения русско-советского разведчика полковника Дона Казанова, работавшего порученцем последнего русского царя, особоуполномоченным председателя ВЧК Феликса Дзержинского и доверенным сотрудником начальника Гестапо Генриха Мюллера. Вместе с верным другом знахарем и немножко колдуном дедом Сашкой Дон Казанов раскрывает тайны Третьего Рейха и находит место, где скрывается сбежавший от возмездия Гитлер. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-741469-6

© Северюхин О. В.
© Издательские решения

Содержание

Книга 4. Гром победы	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Личный поверенный товарища Дзержинского В пяти томах. Книги 4—5

Олег Северюхин

Дизайнер обложки Олег Васильевич Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

© Олег Васильевич Северюхин, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-1469-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор

Книга 4. Гром победы

Глава 1

Победа приближалась неотвратимо. Это уже понимали все, даже те, кто был упёрт так, что на нем клейма партийной канцелярии ставить некуда было. Так и казалось, что в воздухе реют строчки сенатора Гаврилы Романовича Державина:

*Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся.
Магомета ты потрès!*

*Мы ликуем славы звуки,
Чтоб враги могли узреть,
Что свои готовы руки
В край вселенной мы простреть.*

Гимн сей был написан по случаю взятия крепости Измаил войсками Александра Суворова, но сейчас под его звуки Краснознамённые дивизии орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого рвались к европейскому Измаилу – у коего в союзниках была и ранее блистательная Порта, и многие страны, на знамёнах которых сиял полумесяц. Много у них было общего и много их объединяло, взять хотя бы общую ненависть к иудеям.

Звук гимна был слышен не только в рейхсканцелярии, но и в Белом доме в Вашингтоне и в резиденции на Даунинг-стрит, десять в центре Лондона. Там прекрасно понимали, что если они опоздают к концу войны, то русская армия может просто напереть их с освобождённых территорий, имея полное право на все, куда ступила нога русского солдата. И против законов войны все доводы являются совершенно неубедительными.

В середине марта меня вызвал Мюллер.

– Как дела, коллега Казен? – ехидно осведомился он.

– Все в порядке, господин группенфюрер, – ответил я.

– Как вы посмотрите на то, если мы присвоим вам очередное звание – штандартенфюрер, – спросил он, – время военное, сроки выслуги значительно сокращаются, да и дубовая веточка на ваши петлицы будет хорошим украшением.

– А нужно ли это, господин группенфюрер? – ответил я вопросом на вопрос. – Если наша победа будет зависеть от количества штандартенфюреров, то мы можем победить через неделю.

– Даа, воспитал я вас на свою голову, – протяжно сказал Мюллер, – смотрите, не вздумайте ехидничать где-то в другом месте, там я вам вряд ли смогу помочь. Вернее, неизвестно, захочу ли я вам помогать. Вы меня поняли?

Я кивнул головой.

– Вот приказ о вашем производстве, распишитесь, – и он протянул мне лист приказа о присвоении очередных званий по ведомству гестапо. – А вот за это распишитесь отдельно.

Я расписался в двух документах и взял в руки карточку, запаянную в тонкий целлулоид. Это было удостоверение на штандартенфюрера Дитриха фон Казена унд Либенхалле. Предъявитель сего удостоверения имеет право делать всё во имя Рейха и на благо Рейха. Подписи Гимmlера и Бормана. Печати партийной канцелярии и канцелярии рейхсфюрера.

– Так уж и всё? – усомнился я.

– Всё, коллега Казен, – заверил меня Мюллер. – И в первую очередь – вы должны обратиться со стариком в самое безопасное место. Куда, решите сами. Никаких командировочных документов, приказов об убытии, снятия с довольствия и прочей строевой чепухи. Вся документация попадёт в руки англичан или русских, и сразу начнутся поиски вас и вашего объекта. Это нам не нужно. Будете действовать на свой страх и риск. Мы не потерпим поражения в войне. Будет временная неудача. Война начнётся тогда, когда Кейтель поставит свою подпись под актом о безоговорочной капитуляции. Мы ещё покажем всему миру, кто победил на самом деле. Вы должны создавать финансовую сеть по всему миру. Высшим пилотажем будет такая система, когда запущенная в одной из стран мира некая сумма вдруг потеряется в процессе перечисления с одного счета на другой. Но она не потеряется, просто она возникнет на одном из счетов, которым будет владеть член нашей организации. Вы меня понимаете? По вашей заявке курьер доставит вам необходимую сумму в любую точку мира. Вот для этого и нужен вам этот документ. И не бойтесь использовать силу там, где не помогают уговоры и хорошее отношение. Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер, – ответил я и вышел из кабинета.

Практически я был запущен в свободное плавание.

Дед Сашка жил на вилле и занимался разбором трав, которые ему присылали со всей Германии и тех стран, где авторитет фюрера германской нации был ещё высок или, если не высок, то там стоял сапог немецкого солдата. Я стоял и смотрел на моего уже старого друга, который был занят своим делом и для него то, что творилось на улице, являлось лишь элементом, отвлекающим его от основных занятий.

Так, вероятно, и Архимед Сиракузский рукой отодвинул римского воина, который загородил ему солнце. Так и дед Сашка совершенно не обращал на меня внимания и не слышал, как я вошёл в его комнату, напоминающую то ли мастерскую, то ли лабораторию. Дед любил заниматься всем, переключался с одного дела на другое с невероятной быстротой и никогда не чувствовал, что такое скука или безделье.

Я стоял и думал над своей судьбой. До определённого момента я был гражданином Великого государства – Российской империи. Потом Российской империи не стало. На её месте появилась Советская империя, но в ней мне не нашлось места.

Это как в уравнении, поменяли знаки, положительные стали отрицательными, отрицательные – положительными. Два каторжника стали положительными, два положительных обывателя так и остались положительными. Положительный человек, якшавшийся с каторжником, стал элементом отрицательным, так и каторжник, пообщавшийся с человеком положительным, тоже становится отрицательным. Как ни крути, а при всех математических выкладках число отрицательных элементов должно быть равно количеству положительных, иначе корабль государства либо пойдёт на дно, либо взлетит вверх.

Отрицательные элементы тянут корабль на дно, но положительные вытягивают его наверх. Поэтому и руководители советской империи не всех положительных людей пустили под нож, понимали, что с одними каторжниками и челкашами им не построить светлого будущего для своих детей. А дети челкашей и так проживут.

А кто я для этого государства в начале 1945 года? Никто. По большей части элемент отрицательный. Я передавал стратегическую информацию, но чувствовал, что мне не доверяют как классово чуждому элементу, да ещё работающему в карательных органах Рейха. Я мог бы выложить всё, что я знал, меня бы, может, и орденом каким-нибудь наградили, посмертно.

Интересно, а Вилли Лемана, советского агента, работавшего с нами бок о бок в гестапо, наградили каким-нибудь советским орденом? Уверен на сто процентов, что нет. Раз провалился, то значит, что всех выдал. А раз всех выдал, так значит – враг. А врагов не награждают. Если после его ареста не было других провалов, то это просто хитрость гестапо.

Если бы я выложил всё, как Леман, то и меня ждала бы его судьба. Вот штука жизнь! Для государства, которое верит тебе и которое стоит на твоей стороне, жизнь отдать не жалко. Даже немцы, которых мы в то время считали поголовно фашистами, по-человечески относились к своим гражданам и тем, кто служил им. Их считали людьми, а всех других – недочеловеками.

Нельзя противопоставлять себя всему миру. За это они и получают своё по полной мере. Но почему же я, русский по своей сущности, верящий в нашу победу и знающий, что она уже близко, с каким-то внутренним содроганием жду прихода своих соотечественников? Я не делал ничего во вред моей родине, но со мной даже церемониться не будут. Коммунисты не церемонятся со своими же соратниками по партии и по борьбе с фашизмом. Поэтому, я принял для себя твёрдое решение уходить в безопасное место вместе с дедом Сашкой.

Глава 2

– Здоров, дед, – довольно бодро сказал я.

Дед Сашка даже не вздрогнул. Слышал, старый лис, как я вошёл и спокойно занимался своим делом, ожидая, когда я выйду из своих дум.

– Здоров, мил человек, – сказал дед, – что-то ты сияешь как новенький пятак. Никак твои начальники тебя генералом сделали. Так, тащи давай бутылку, обмывать звёздочки будем.

Да уж, дед зрит прямо в корень. То ли по мне действительно можно читать все, что происходит, то ли у деда все-таки есть сверхспособности видеть все на три метра ниже земли.

– Генерала не генерала, – сказал я, – но в полковники произвели, и билет на дальнюю дорогу выдали.

– Уж, не в Америку ли, – хитро улыбнулся дед Сашка. – Вместе поедем, али как? А то я, почитай что, сообщником твоим стал, с гестапо общаюсь, а за это у нас на родине по головке гладить не будут. Так что, дорога у нас одна, куда ты, туда и я.

– Вместе, дед, вместе, – сказал я, – только вот думать будем вместе, куда нам свои стопы направить.

– Подумать оно не помешает, конечно, – ответил дед Сашка, – ты уж сам и реши, где нам будет лучше, только вот хотел я подругу свою с собой забрать. Она хоть и из благородных будет, но баба хорошая и душевная. Если не забрать её, то отвезут её на родину и сгинет она всё равно в колымских лагерях. Как ни крути, а ей только одна дорога с нами.

– Добро, дед, – сказал я, – она нам в обузу не будет. Вы как мои отец и мать, а я ваш сын, сопровождаю вас от ужасов большевизма. Вот и легенда есть. Документы подружке твоей делаем. Сегодня же и поедем к ней, возьмём все данные, не будем затягивать. А как вернёмся, так и звёздочки мои обмоем. Только никаких звёздочек уже нет. Одна ветка дубовая на петлицах.

– Все равно, как у генерала, – стоял на своём дед, переодеваясь в гражданский костюм.

Вряд ли кто-то узнал бы в представительном господине прежнего деда Сашку. Он так научился входить в банки, что у всех клерков сразу появляется желание как-то услужить богатому с первого взгляда человеку, а вдруг он окажется тем рождественским волшебником, который каждый год превращает золушек в принцесс, а бродяжек в прекрасных принцев. А как на него смотрят женщины? С вожделием, прекрасно понимая, что это не мальчик, у которого гормоны прыгают в разные стороны, а искушённый в любовных делах человек, одним словом – гурман, который и сам насладится любовью и даст отпить из её таинственной чаши.

В отношении герра Александра классики правильно подметили, что бытие формирует сознание. Это определение глубоко индивидуально и подходит не ко всем. Смотришь иной раз на человека, который и ест, и пьёт на серебре, спит на раззолоченных кроватях, носит тонкие шелка, ходит в театры и на выставки, читает умные книги, а всё такой же, как в тот день, когда на него упала финансовая или деловая удача.

Тут все дело в математике. Обратная пропорциональность: чем изящнее человек тычет дорогой вилкой в икру, тем короче у него линия аристократизма или просто интеллигентного образа жизни.

На знакомой нам двери висела записка с надписью, что приём не ведётся. Мы позвонили в дверь. Нам открыла женщина в одежде медицинской сиделки. Я ничего не стал объяснять и говорить, просто сунул ей под нос гестаповский жетон, и мы прошли в комнату.

Гадалка лежала в кровати. При виде нас она улыбнулась, но улыбка получилась какая-то невесёлая. Вымученная.

– Как я рада видеть вас, – сказала она по-русски. – Хоть перед смертью увидеть родных людей и иметь возможность попросить их поклониться от меня русской земле.

– Ты куда это собралась? – весело заговорил дед Сашка, пытаясь разогнать тягостную атмосферу в комнате больного человека.

– Ты сам знаешь, Александр, – сказала дама и замолчала.

Молчали и мы.

– Я так хочу поехать с вами, – сказала она после некоторой паузы, – но не могу. Вся моя колода сыграна, остался джокер в руке, и он скоро упадёт на пол. Александр, не балагурь. Ты сам всё видишь и понимаешь. Посиди рядом и послушай. Передо мной сейчас открытое окно и я вижу, что будет впереди, только я там буду по другую сторону от вас. Насколько глаз мой видит, вам все и расскажу.

Война закончится примерно через месяц. Союзники перегрызутся между собой и будут грызться постоянно, держа весь мир в напряжении развязывания новой войны. Войны будут идти не прекращаясь. Только зальют один пожар, возникнет другой. Кто виноват в этом? Никто. Это земля сама регулирует количество людей на ней обитающих. Все болезни и вирусы идут от земли, от Вселенной.

Система мироустройства рухнет. Первой падёт Британская империя. За ней Российская империя. Колонии получают независимость, изгонят колонизаторов и погрузятся в ту среду, из которой их пытались вытащить и приобщить к цивилизованному миру. Никого нельзя делать счастливыми помимо их воли. Чукча счастлив, когда поймает рыбину или забьёт на праздник оленя. Ему нет дела до того, что там говорят в Лиге наций.

Мощь государств будет зависеть от того, кто и сколько успел ухватить в этой войне. Больше всех ухватила Америка, получившая право выпуска мировой валюты. Она и будет готовить мир к новой мировой войне против России. Ей не нужно золото, ей нужна бумага на печатание денег и изготовление пипифакса.

Советский Союз распадётся на части. Все бывшие российские губернии, объединённые в союзные республики, станут злейшими врагами России, вступив в один блок с теми, кто ходил походами на Россию.

Россия и сама не без греха, но стремлением к мировому господству не грешила. Коммунисты не в счёт, им дали укорот под Варшавой в 1920 году.

После войны Советский Союз создаст свою зону влияния в странах, освобождённых Красной Армией, но и они снова вернутся под крыло Америки.

Америка будет покупать всех бывших союзников России и оставит её в изоляции. Будет пытаться подчинить себе её экономику и расчленив на губернии-государства.

Только исламский мир придёт на помощь России и прорвёт кольцо окружения. Мусульмане заполонят Европу и Америку, придут к власти в штатах, землях, областях, провинциях. Станут президентами и установят исламское господство во всем мире, кроме России и Китая.

И вот тогда начнётся следующая мировая война за исламское господство, которая уничтожит остатки Европы, Америку и государства правящего ислама.

Россия и Китай понесут огромные потери, но выживут вместе со странами третьего мира и будут основой новой цивилизации без религий, во имя жизни на Земле. Человеческая жизнь будет основой новой идеологии, подразумевающей действительное равенство между расами и нациями.

– СССР не распадётся никогда, – уверенно заявил я, – основа союза – это Россия, собранная государями нашими по крупницам, и каждому народу были дарованы одинаковые права.

– СССР распадётся, – сказала гадалка. – Не у всех одинаковые права. Те, кто у власти, сами создадут условия для распада страны. Воспитают национальных интеллигентов и отдадут им российские земли, чтобы они чувствовали собственную значимость... ааах, – тяжело вздохнула дама, – я вижу войну между Украиной и Россией. В эту войну вступают все новые бывшие республики, надеясь на помощь из-за океана. Им помогут деньгами, но не больше. И только жёсткие действия России принудят бывшие российские народы к миру...

Женщина замолчала и закрыла глаза. Всё, что она говорила, похоже на бред. Такого не может быть потому, что этого не может быть никогда. Если бы это было умозаключение человека, постоянно интересующегося политикой, то были бы названы французская колониальная империя, японская, бельгийская, голландская и португальская. Выброшу все это из своей головы.

– Не выбрасывайте это из головы, – тихо сказала гадалка, – я говорила только о больших империях, потом проверите, права ли я была. Тяжело уходить, зная, что ты бессильна что-то сделать для своей родины. Не везёт России с царями. Александр, – сказала она деду, – подойдите и обнимите меня.

Дед Сашка подошёл к постели и обнял женщину. Через несколько минут он встал, и я увидел в уголках его глаз слезы.

– Преставилась, – тихо сказал он и вышел из комнаты.

Глава 3

Похороны прошли тихо. В числе провожавших были только мы с дедом Сашкой. Да ещё священник православный был. Отпел своё и ушёл. Сообщил Господу о прибытии новой души, помолился за нас, живущих, поклонился и ушёл по своим делам, предчувствуя, что освободители его по голове не поглядят за то, что он православный, а живёт во вражеском логове.

Клиентура у покойной была обширная, но никого она не допускала близко к себе. Никто не мог сказать, что он находится в числе её приятелей. У таких людей никогда не бывает друзей. Пока она была при деле, предсказывала, гадала, то и знакомые были. Как заболела, так все знакомцы и исчезли. Это как у портнихи или у человека при нужной должности. Все друзья. А как только перестал шить или с должности ушёл, так вокруг никого и нет.

Был человек, и не стало человека. Только на кладбище останется деревянный крест с табличкой. И дерево тоже не вечно. То, что в земле, сгниёт и крест упадёт. Его отнесут на свалку. Останется пустая земля. Никто не будет знать, что здесь была могила и что здесь похоронен какой-то человек. Придут новые люди, похоронят другого человека. И так будет продолжаться до тех пор, пока вся наша земля не превратится в сплошное кладбище.

– Пойдём, дед, помянём, рабу божаю, – сказал я, пригласив деда Сашку к себе в квартиру. – Вроде бы и в уме своём была, а говорила невероятные вещи, может, у всех так бывает, что рассудок сначала покидает человека, а потом уже душа наша. Пусть земля ей пухом будет.

Выпили не чокаясь.

– Рассудок у неё никуда не делся, – сказал дед, – в своём уме она была. Она мне ещё не такое рассказывала. Она точно сказала, когда будет революция. Предлагала мне вместе с ней ехать за границу. Да только что я буду делать вдали от России? Не поехал. А я ведь не все в крестьянах был.

Познакомились мы с ней давно. Я тогда молодым фабричным рабочим был. Помогал ей по хозяйству, а она меня грамоте учила. Много знала. С духами общалась. Дух моего тятеньки вызывала. Старик грозный у меня был и сказал, чтобы я у умных людей учился и в люди выбивался. Я школу экстерном закончил и коммерческое училище. Меня на фабрике в конторщики произвели. Вот тогда мы и стали жить вместе, только венчаться не торопились, потому что она из дворян была, а я крестьянского происхождения, только никто об этом не знал.

– Что же она тебе такого рассказала, что ты в неё безоговорочно поверил, – спросил я.

– Рассказала она мне, что со мной будет, если я останусь в России. Всё как есть сбылось, – сказал герр Александер. – Даже о твоём приезде говорила. Истинный крест, – дед Сашка мелко перекрестился, – говорит, начнётся война большая. Немец снова придёт. До самой Москвы дойдёт, а к тебе в деревню приедет русский в чёрной немецкой форме и будет твоими знаниями трав интересоваться, а потом с собой тебя заберёт. Только судьба меня ждёт незавидная. Убьют меня. Если останусь один, без тебя, всё равно убьют. Если буду вместе с тобой, все равно убьют. Даже дату сказала.

– Успокойся, старик, – я похлопал деда Сашку по плечу, – я твоя защита. Если что-то будет, то мы с тобой по капельке выпьем, и не будет нас здесь. Будем начинать новую жизнь в другом времени.

– Не успею я капельки свои принять, – сказал дед Сашка, – зато жизнь я прожил не зря. Детей вырастил. Дом у меня крепкий. Садик небольшой. Всё как Бог нам заповедовал. Был бы там, судьба была бы такой же. От неё никуда не уйдёшь.

– А если бы ты согласился и с дамой своей за границу уехал, то как бы сложилась твоя судьба? – спросил я.

– Всё было бы так же, – сказал старик, – занялся бы коммерцией, имел бы успех и богатство, мы бы обвенчались, да только всё равно меня должны убить. В какую сторону ни бросайся, а в назначенный день меня ждёт блондинка с косой.

– Почему блондинка? – не понял я.

– Сказала она мне, что смерть моя будет в виде девушки с белыми волосами, – сказал дед Сашка, вздохнув, – я от этих блондинок как чёрт от ладана шарахаюсь.

Вроде бы о серьёзных вещах мы говорили, да что-то недоверие у меня было от всего, что я услышал в последнее время. Сейчас война и никто ни от чего не гарантирован. Я в Кракове шёл по улице спокойно и получил несколько пуль в спину. А здесь бомба упадёт, и пикнуть не успеешь.

Нужно успокоить деда и сказать, что мы с ним поедem в Испанию. Нужно проскочить юг Франции, пока союзники не освободили Францию полностью. В Испании и места знакомые, и к немцам там отношение вполне нормальное.

Испанцы сильно не участвовали в войне против СССР. Так, послали в район Сталинграда «Голубую дивизию», да её там сильно потрепали, а морозы вообще выгнали испанцев домой. Вояки они ещё те. Тогда голубой цвет не имел каких-то особых ассоциаций, так как не было теории о голубой крови у некоторой части мужского населения и название «Голубая дивизия» звучало вполне пристойно.

Мой добрый друг штурмбанфюрер Мацке, ведавший визами, устроил мне испанские визы в наши аргентинские паспорта. В одночасье мы с дедом сняли свои шкуры и стали иностранцами в агонизирующем третьем Рейхе.

В Испанию мы полетели на частном самолёте. Конечно, самолёт был не частный, он находился в ведомстве рейхсмаршала, но по личной заявке Мюллера он был выделен в моё распоряжение. Обыкновенный четырёхместный гражданский самолёт. Маленький, тихходный, с четырьмя канистрами бензина за задними сиденьями.

– Это для чего? – спросил я пилота.

– Для беспосадочного полёта не хватит восьмидесяти литров, чтобы приземлиться на ближайшей к границе посадочной площадке, – ответил он, – вот сюда мы будем доливать, – он показал горловину в кабине и жестяную лейку, – и долетим. Будем надеяться, что нас не собьют.

– Кто же будет стрелять по гражданскому самолёту? – спросил я.

– Любителей много, – усмехнулся пилот. – На таких самолётах летают люди с туго набитыми чемоданчиками. И немало моих коллег упокоилось в земле, так и не долетев до пункта назначения.

– Мы люди везучие, – успокоил я его, – мы обязательно долетим.

– Долетим, так долетим, – как-то устало согласился пилот, – через час – полтора я буду готов, а вы пока погуляйте здесь или зайдите в нашу столовую, подкрепитесь. Хотя, не советую это делать, потому что тряска будет такая, что потом неделю самолёт отмывать придётся.

Глава 4

Через час, когда мы возвращались к самолёту, нас остановил патруль фельджандармерии. Три «фельда», лейтенант и два фельдфебеля в прорезиненных серых плащах с металлическими бляхами на цепях. Имперский орёл и надпись «Feldgendarmerie» отсвечивали похоронным блеском. На бляхе одного из фельдфебелей блестела свежая вмятина то ли от пистолетной, то ли автоматной пули, они все одинаковые, но бляха спасла жизнь своему хозяину. У «фельдов» были особые права расстреливать на месте дезертиров и паникёров. Чекистские заградотряды в подмётки не годились полевой жандармерии.

– Стой! Ваши документы, – для таких людей даже гестаповский жетон не указ, тем более, если его хозяин в гражданской одежде и этого жетона при нем нет, как нет и удостоверения, что он штандартенфюрер из четвёртого управления РСХА.

Мы предъявили наши аргентинские паспорта. Лейтенант перелистал их, внимательно посмотрел на нас и сказал:

– С такой аргентинской рожей нужно быть в фольксштурме и защищать столицу Рейха от красных варваров. Расстрелять, – и он небрежно махнул рукой своим фельдфебелям.

Осадное положение не терпит отлагательства в приведении приговоров. Я поднял руку и закричал, что выполняю специальное задание фюрера и партии и у меня есть документы, подтверждающие мои слова. Я снял правый ботинок и достал из-под стельки моё специальное удостоверение, говорящее о том, что владелец его делает все на благо Рейха и во имя фюрера.

Лейтенант посмотрел на удостоверение и задумался. Можно и шлёпнуть этого спецагента, но вдруг это окажется тот человек, которому нужно оказать содействие. Тогда этого лейтенанта шлёпнут так же, как и этого человека. Даже разговаривать не будут. А так у «фельдов» есть возможность выжить в этой мясорубке. Как только будет объявлена капитуляция, бляхи и документы выбрасываются, и они становятся обыкновенными служащими Вермахта, обязанными исполнять приказы своего фюрера. Кто докажет, что это была группа палачей? А с гестапо и владельцами спецудостоверений лучше не шутить.

Как бы нехотя лейтенант вернул мне удостоверение и лениво произнёс:

– Свободны.

На сердце отлегло. Дух полковника бушевал внутри и требовал поставить на место зарвавшегося лейтенанта, но это была не та ситуация. Сейчас этот лейтенант ставил к стенке всех от рядового до генерала.

У нашего самолёта у переднего колеса сидел пилот и нервно курил.

– Я всё видел, – сказал он, – меня тоже пытались поставить к стенке за то, что я готовлюсь убежать из осаждённого города, но я сказал, что выполняю особо важное задание представителей фюрера и партии. Если бы они расстреляли вас, то вернулись бы за мной. У меня есть спирт, не желаете выпить?

Я кивнул головой в знак согласия.

Через полчаса мы стали размещаться в самолёте. Спирт сделал своё дело. У нас было эйфорическое состояние предвкушения захватывающего путешествия. Я ещё никогда не летал на таком маленьком самолёте. Я сел рядом с пилотом. Дед Сашка – сзади. Кабина как в автомобиле. Такие же автомобильные дверцы. Только вместо руля штурвал. У пилота и у пассажира.

– А это зачем, – спросил я, указывая на штурвал у себя.

– Мало ли что, – уклончиво ответил пилот, – вдруг пилот левша, или ему по-маленькому захочется сходить, то пассажир в это время и рулит. Тут сложного ничего нет. Как на машине. Нужно влево повернуть, поворачиваете штурвал влево и одновременно двигаете вперёд правую педаль, а левую – назад. Направо – все наоборот.

– Что все наоборот, – не понял я.

– Если нужно повернуть направо, то поворачиваете штурвал направо, левую педаль двигаете вперёд, а правую назад. – Пилот был терпелив. Видно было, что терпеливость была обусловлена тем, что он не знал, кто мы, а не то нам бы это всё объяснили в две минуты с использованием выражений, на которые горазды настоящие лётчики. – Штурвал на себя – поднимаемся вверх, штурвал от себя – снижаемся. Вот и все. Просто как лопата. Вот сектор газа. Это кнопка выключения зажигания. Сейчас вы даже сами можете поднять самолёт.

– Нет уж, увольте, – запротестовал я, – вы пилот, вы и управляйте самолётом.

– Слушаюсь, – сказал пилот и нажал на кнопку зажигания.

Самолёт как бы встрепенулся. Винт сделал половину оборота. Самолёт ещё раз встрепенулся и винт стал вращаться, набирая обороты. Самолёт стал чихать из трубок сизым газом, который стал набираться в кабину. Наконец, самолёт тронулся с места и поехал по-автомобильному к взлётной полосе. Приостановившись у начала полосы, двигатель запел какую-то визгливую песню, выжимая из себя все силы для вращения винта. Затем самолёт побежал и легко оторвался от земли. Звук двигателя немного стих. Стало закладывать уши, и бензиновая гарь потихоньку через щели ушла из кабины.

Сам момент взлёта интересен. Прекращаются толчки от неровностей взлётной полосы, самолёт начинает мягко лететь, но проваливаться в воздушные ямы, от чего содержимое желудка начинает подниматься к горлу или наоборот, опускаться вниз. У воздушных ям есть одна особенность. На сколько метров ты упадёшь в яму, на столько метров ты поднимешься в восходящем потоке.

На маленьком самолётике это все чувствуется по-иному, чем на огромном самолёте. Болтанка в полете была такая, что не приведи Господь. Нас то швыряло из стороны в сторону, то мы плавно покачивались как на лёгкой морской волне, то нас сносило в правый или в левый крен. Вообще, если образно так сказать, то полёты по воздуху чем-то сродни прогулке на моторной лодке по бурной реке или по бурному океану. Одно и то же, только со знаком минус. Морские волны повторяются воздухом на большой высоте. То они мелкие, то они крупные, то боковые, то встречные, то верховой ветер начинает создавать волны, то низовой. Ох, уж этот низовой ветер. Волны мелкие, жестокие и злые, стараются перевернуть лодку и пустить её на дно. То же и в воздухе. Создаётся проекция земной поверхности в высоте. Не зря его называют воздушный океан.

Мы летели, внимательно наблюдая за землёй и обходя воинские соединения союзников. Части на марше частенько обстреливают все появляющиеся цели, чтобы не допустить бомбёжки. Зенитная стрельба никогда не бывает прицельной. Бьют по площадям на опережение.

Слышал я, что есть умельцы, которые одним снарядом сбивают летящий самолёт. Покойничка Гейдриха тоже сбил красноармеец одним выстрелом из трёхлинейной винтовки. А самолёт во время зенитного обстрела попадает как бы в облако астероидов, которые так и пытаются смять в лепёшку твой звездолёт. Прямые попадания не редкость, но и они тоже результат случайности.

В этой случайности кому-то всегда везёт, пробежал между струями дождя и остался сухой, а кто-то сразу получает всю порцию, отведённую для всех. Так вот и я не вхожу в число счастливых, на которых ни одна капля не падает.

Ожесточённых боев на западном направлении Германии мы не наблюдали. Шла деловая сдача в плен германских войск. Ожесточённые бои шли только на восточном направлении. Над Францией мы вздохнули спокойно. И как оказалось – зря.

Глава 5

Во Франции войны не было. С 1918 года французы не воевали. Разве можно назвать войной тот месяц, во время которого они сдали немцам свою Францию и отправились лежать на боку, наблюдая, как ложатся под немецкий сапог другие страны.

Если бы у Польши были такие возможности как у Франции, то немцам крепко бы не поздоровилось в 1939 году. Но поляки видели себя огромной империей «от можа до можа» с оттяпанной у России католической или униатской Киевщиной, размовляющей на польской мове. Поляки чётко обеспечили себе два враждебных фронта, немецкий и русский, и получили именно то, что должны были получить, несмотря на заигрывания с Гитлером. Сталин правильно сделал, что вернул украинские земли Украине, оттянул на два года начало неизбежной войны против СССР и вызволил от немецкой оккупации украинские территории, отошедшие недавно к Польше. С другой стороны, Польша была санитарным кордоном между СССР и Германией и, возможно, Сталин просто приблизил начало и неизбежность войны с непосредственно граничащим с ним врагом-союзником.

Французская война с немцами превратилась в Соппротивление, о котором так мало говорят, что непонятно, в чем же выражалось это Соппротивление.

Англичане засылали во Францию агентуру и диверсантов. Гестапо и абвер благополучно вылавливали их и организовывали оперативные игры с помощью перевёрбованных агентов. Немцы получали английское снаряжение, а англичане рапортовали об успешных диверсиях и военных операциях. И все были довольны. Немцы тем, что во Франции было спокойно, а англичане тем, что они наносят «огромный» урон немцам.

И так было бы до 1945 года, если бы не проклятые коммунисты и социалисты, которые взяли за оружие и начали воевать по-настоящему. Маки. Maquis – густой кустарник, растущий на Средиземноморье. Это по-научному, а в переносном смысле слова – это бурелом, чаща, там, где черт ногу сломит. И немцы там часто ломали ноги. Хотя англичане и не жаловали маки, но считаться с ними приходилось, даже снабжать оружием. В частности, автоматами (вернее, пистолет-пулемётами, потому что они стреляли пистолетными патронами) «Стерлинг», которые изготавливались из обрезков водопроводных труб, имели плохую отделку и невероятно плохую меткость при стрельбе. Зато они были маленькими, лёгкими, хорошо прятались в одежде, были удобны в руках, стреляли и иногда попадали в цель, особенно тогда, когда цель пыталась спрятаться от стрелка.

Вот такого маки мы увидели на одном из зелёных холмов с виноградниками, пролетая почти рядом с ним на небольшой высоте. Это был молодой парень в защитной форме английских «коммандос» с неизменным темно-синим беретом на голове. Он увидел самолёт, поднял свой «Стерлинг» и от пояса дал длинную очередь по нам. Не навоевался парень.

Когда человек впервые берет в руки оружие, то ему нужно из него стрелять во всё, что ему попадает на глаза. Попался самолёт – пальнём по самолёту. Даже для такого самолёта, как наш, это все равно, что горохом об стенку. Простучит – и все. И по нам простучало. Да только лётчик открыл форточку, чтобы выбросить окурок. И получил пулю прямо между глаз. Что такое не везёт и как с ним бороться? А никак. Нужно просто быть готовым ко всему.

Лётчик отвалился на спинку своего кресла и его вытянутые руки толкнули штурвал от себя. Холмы следовали за холмами, и мы неслись прямо в следующий холм. Слава Богу, что это был не современный самолёт, где дублирующее управление имеет возможность отключаться. Я вряд ли бы в сотые доли секунды смог найти переключатель. Я инстинктивно схватился за штурвал и потянул его на себя. Мы круто взмыли вверх. У меня даже потемнело в глазах. Начал выравнивать самолёт и стал валиться на правое крыло. Стал исправлять положение –

свалился на левое крыло, а нужно же ещё и вперёд смотреть. Минут пятнадцать мы летели, вихляясь в небе как пьяная баба на высоких каблуках, выискивая площадку для посадки.

Наконец, я увидел ровное поле вблизи небольшого городка и стал прижимать самолёт к земле, пытаюсь сектором газа держать самолёт на грани полёта. Затем я почувствовал, что задний опорный крюк чиркнул по земле, хотя, по идее, первыми земли должны коснуться передние колеса. Я толкнул от себя сектор газа и стал рулить по полю. Колеса вдруг попали в какую-то продольную канавку, и наш самолёт встал на попа, уткнувшись носом в землю и пытаюсь пробурить её насквозь вращающимся и визжащим винтом. Я стукнулся лбом о переднюю панель, штурвал больно вдавился мне в грудь, и на меня упала вылетевшая из-за кресел канистра с бензином. Канистра была плохо закрыта и сейчас бензин бульками лился на меня из узкого горла канистры. Нам только не хватало доброго прохожего с коробком спичек.

– Дед, ты жив? – крикнул я, но вместо крика раздалось какое-то петушиное сипение.

– Жив, едрит твою лять, – отозвался дед Сашка, поднимаясь над спинкой кресла и почёсывая ушибленную шею, – нет, блондинка не дожждётся своей очереди.

– Давай быстрее вылезать, – сказал я, пытаюсь открыть заклинившую дверцу.

Кое-как ногами я выпнул дверцу и вывалился наружу. Затем я выдернул деда, и мы побежали прочь от самолёта. И вовремя. Мы успели отбежать метров на пятнадцать, как сзади полыхнуло с взрывом.

Господь предупредал Лота, чтобы семья его не оглядывалась, пока будет гореть Содом и Гоморра. Жена Лота оглянулась и превратилась в соляной столб. Я остановился, оглянулся и словил какой-то горящий обломок, который воспламенил мою одежду. Вернее, левое плечо, пиджака, напитавшееся бензином. Я сразу превратился в огненный столб. Хорошо, что мы не растерялись. Я с помощью деда скинул пиджак, рубашку и мы стали все это топтать ногами и забрасывать землёй. В горячке я не заметил, что порядочно обжгся и что на левой стороне головы у меня сгорели волосы и брови, и щека, и шея стали приобретать багровый оттенок, а откуда-то появившаяся боль была настолько нестерпима, что меня стало колотить как в ознобе. Ожог сильный. Медикаментов никаких. Сейчас обожжённое место надо бы смазать каким-нибудь маслом, каким угодно, даже машинным или пастой зубной, она успокаивает и заживляет раны неплохо.

– На-ко, мил человек, хлебни из фляжки, – сказал мне дед, протягивая фляжку, из которой лётчик наливал нам спирт. Запасливый дедок, а лётчику сейчас все равно, может, он так быстрее попадёт в царствие небесное.

Я сделал несколько глотков растекающейся по рту жидкости, которая перехватила у меня дыхание и принесла какое-то облегчение. Но это только на первые мгновения. Потом боль снова стала нестерпимой.

Дед поднял остатки моего пиджака, и мы пошли в направлении городка, до которого было километра три. От городка уже ехала красная машина с медным колоколом, который позвякивал сам по себе, потому что шесть человек, которые сидели на лавке сверху, держались за медный поручень, чтобы не свалиться. Да и зачем звонить, если дорога пустынна и только два человека бредут к ней по полю от горящего самолёта.

– Мсье, это вы летели на самолёте? – спросил меня брандмайор в золотистой каске.

Я утвердительно кивнул головой.

– Там кто-нибудь остался? – указал в сторону костра пожарный.

Я отрицательно помотал головой.

– Тогда чего нам ехать туда, – сам себе сказал пожарный начальник, – оно и само догорит, а тут люди в помощи нуждаются. Садитесь, господа, наверх, поедем в больницу, – сказал он и дал команду водителю разворачиваться.

Городок мне постоянно казался знакомым, и он действительно оказался мне знакомым, когда я увидел знакомую больничку и доктора, у которого мы наблюдались вместе с полковником Борисовым. Вот это мы летели, совершенно не видя того, что не так уж много восточнее нас был город Париж вместе со всеми его окрестностями.

– Мсье Казанов, – радостно приветствовал меня доктор. – Как вы жили все это время? – спросил он и, не дожидаясь ответа, стал говорить о том, что они пережили оккупацию, и что немцы заставляли их работать на себя, и что вино и сыр стали намного дороже, и что хороший кофе можно было купить только на чёрном рынке, и что они так бедствовали, так бедствовали... На ленинградцев и на киевлян французы не были похожи из-за того, что у них ухудшилось качество кофе. А, ну их, мне было не до того, потому что меня била крупная дрожь.

Доктор сделал мне укол димедрола, а сестра обрабатывала обожжённые места дезинфицирующим раствором, убирала клочки одежды и мазала меня какой-то пахучей жёлтой мазью. Мне становилось лучше от успокаивающего укола. Дрожь проходила. Мои глаза стали медленно закрываться, и я провалился в сон.

Глава 6

– Хэнде хох, – услышал я сквозь сон.

Кто-то тряс меня за плечо. Я открыл глаза и увидел двух человек в форме маки с немецкими автоматами в руках.

– Полковник фон Казен, от имени правительства свободной Франции мы объявляем вас арестованным, – сказал партизан с синей повязкой и тремя белыми звёздочками на ней.

Французский язык партизана был правильным, но с каким-то неуловимым акцентом. Неужели испанец? Точно. Очень много испанцев, которые ушли из Испании во Францию, активно участвовали в Сопротивлении.

– Амиго, – сказал я по-испански, – я не немецкий полковник, а выполняю специальное задание по борьбе с фашистами и сейчас летел в Испанию, чтобы перебраться оттуда в Аргентину.

– А это что? – спросил меня командир-испанец, показывая моё спецудостоверение и аналогичный немецкому текст на испанском языке внизу.

А вот тут мне крыть было нечем. Не скажешь же, что удостоверение мне подбросили. Я не стал никому и ничего отвечать. Я просто не стал говорить. Молчал как партизан на допросе в гестапо, хотя ко мне не применялись гестаповские методы. Ежедневно приходили чины французской полиции и учиняли мне допрос. Как в песне старинной «вместо строчек одни точки» и никакой подписи, зато все это аккуратно подшивалось в дело и хранилось как зеница ока.

Деда Сашку ко мне не допускали, но он, как мне кажется, и сам не лез на рожон. Человек умеет говорить по-испански на кастильском диалекте и по-немецки. Личность подозрительная, лучше держаться в тени. То ли его держат где-то в укромном месте, то ли он сам держится в укромном месте, но про него мне не задали ни одного вопроса. Мало ли оборванцев шляется в предместьях Парижа.

Ко мне приводили на опознание бывшую мою квартирную хозяйку и экономку полковника Борисова, которые указали, что предъявленный им субъект отдалённо напоминает знакомого им мсье Казанова, проживавшего здесь до войны, но утверждать точно они это не могут, потому что в таком виде они никогда меня не видели.

На меня приходили смотреть многие сотрудники спецслужб, как я предполагаю по их внешнему виду и иностранному акценту. Были даже представители советской репатриационной комиссии. В числе представителей был и мой знакомый, полковник Миронов в военной форме, правда, орденов на его груди было мало. Работу разведчиков всегда мало ценят. Миронов молчал. Молчал и я, когда мне задавались вопросы на русском языке.

Все вопросы были однотипными: кто я такой, и с каким заданием оказался во Франции? Что тут отвечать? Не знаю, поэтому я ничего не отвечал, ничего не писал и не подписывал.

Потом, похоже, началась борьба за мою подведомственность, потому что меня стали перевозить из города в город в закрытых автомашинах и под надёжной охраной. В течение месяца я сменил пять мест пребывания.

Наконец мы прибыли в южный портовый город. Мне не приходилось быть на южном морском побережье, но, судя по внешнему виду и размеру города, это был Марсель. Грязный городишко с узенькими улочками и разномастным населением, которое днём является французскими гражданами, а ночью превращается в граждан вольного города со своими порядками и властью.

Мы сели на катер и поплыли в сторону островка примерно в миле от пристани. Если я не ошибаюсь, то это и есть знаменитый остров Иф, в замке которого содержался граф де Монте-Кристо. Замок был построен в XVI веке непосредственно в скале для защиты Марселя от атак с моря. Но так как на Марсель никто не нападал, то замок стал тюрьмой для особо опасных

преступников. В тесных камерах содержались гугеноты, политики, руководители Парижской коммуны и другие личности, представлявшие опасность для Франции.

Условия содержания узников зависели от их состояния. Бедняков заключали в тёмные камеры без единого окна. Богатеньким предлагали отдельные камеры наверху, где можно было дышать свежим морским воздухом и «любоваться» морскими видами.

С 1830-го года замок официально перестал быть тюрьмой, но в 1871 году здесь были заключены руководители Парижской коммуны, а её лидер Гастон Кремье был расстрелян на острове Иф. В 1890 году остров был демилитаризован и открыт для публики. И меня сюда везли не на экскурсию.

Никаких туристов по случаю войны на острове Иф не было. Это я так говорю, потому что никого не видел. Да и кого я мог увидеть? Наш катерок пристал к пристани, мы вышли на мол, и прошли метров сто в сторону замка. Во внутреннем дворе я видел металлическую лестницу, ведущую наверх, несколько галерей и входов внутрь замка.

Меня повели вниз и заперли в комнате, в которой горела тусклая электрическая лампочка. На улице было темно, а в камере царил приятная свежесть. Приятной она бывает в течение часа, а потом начинает превращаться в холод, охлаждая организм. Я это почувствовал уже через пару часов. Я был нездоров. Ожоги болели, и боль была просто отупляющая. В какое-то время боль начинает становиться привычным состоянием организма и по уровню колебания боли можно судить о комфортности пребывания в этой камере.

Питание можно смело называть баландой, потому что более противных похлёбок я не ел. Во Франции это называют луковым супом, но мне кажется, что если бы все французы ели такой луковый суп, то это не было бы их национальным блюдом.

Я стал осматривать и ощупывать стены моей камеры, но кроме слизняков и плесени в углах ничего не нашёл. Было, правда, вентиляционное отверстие вверху, через которое иногда издали доносился шум прибоя, но отверстие было не больше моего кулака, поэтому о возможности побега с его помощью нужно забыть. Скальную породу нужно чем-то скрести, а у меня кроме ногтей ничего не было и не предвиделось, что ко мне попадёт в руки кусок железа, из которого бы я сделал какое-то орудие.

Труднее было с календарём. Я оторвал пластмассовую пуговицу от брюк и пытался ею царапать стену, отмечая прожитые дни. Метки были такими слабыми, что их только с огромным трудом можно рассмотреть. Пришлось делать маленькие катышки из полагающегося к похлёбке куска хлеба. С утра какая-то тёплая жидкость бурого цвета, которая стояла рядом с кофейником. В обед суп с куском хлеба. Вечером «кофе». Людям, страдающим от избытка веса, такая диета пойдёт только на пользу.

В этой камере я пробыл двадцать два дня, судя по скопившимся в кармане катышкам хлеба. А на двадцать первый день на мой кусок хлеба был положен маленький кусочек ветчины.

Глава 7

Моё освобождение было внезапным и не носило ореола романтизма. Среди ночи открылась дверь, вошёл мужик, который вскинул руку в римском приветствии и сказал на смешении русско-украинского языка:

– Слава Гитлеру, пан, варта (охрана) спит, идемте швыдче на вулицю.

Через потайную дверь мы вышли за пределы крепостной стены далеко в стороне от причала. Среди камней была привязана небольшая лодочка. В ней сидел человек в тёмном балахоне.

– Це наш друг, – сказал мой освободитель, – он вас отвезёт куда надо. Говорят, что большевики Гитлера вбили. Не верьте, он жив и скоро вернётся, и мы ещё попляшем на косточках большевиков, друже.

– Ты кто такой, – спросил я по-русски, – ты украинец или русский?

– Та я ж земляк ваш, пан, украинец, – сказал мужичок, – был в конвое ясновельможного гетмана Скоропадского Павла Петровича, царствие ему небесное. Вместе с ним уехал в Германию, а там мне приказали здесь быть, на подхвате так сказать, помогать всем, кто против большевиков, вот я и помогал по мере сил своих. А германец наш украинский язык за язык не признает. Они учат треклятый русский язык, говорят, что на нем полмира говорит, вот и мне приходилось постоянно на русской мове разговаривать. Полеки и те считают наш язык одним из их этих, как его, слово-то иностранное, типа что-то говорю великопольской мовы.

– А чего ж ты гетмана своего хоронишь раньше времени? – спросил я.

– Так вы ж не знаете, – сказал конвонец, – в конце апреля и преставился раб Божий Павел Петрович. Прямо в него бомба английская попала. Так что, как до места доберётесь, выпейте чарку за упокой души его. С Богом.

Я сел в лодку. Мой спаситель оттолкнул её, и лодочник опустил весла на воду. Грёб он как заправский гребец и через полчаса остров Иф сгинул в темноте, как будто его никогда и не было. Мы были одни в тёмном море. Куда плыли, неизвестно. Лодочник не смотрел вперёд, вероятно, у него был свой ориентир для указания направления движения.

Небо было затянуто дымкой как перед штормом, но в проглядывающихся звёздах я нашёл Полярную звезду и по нахождению её на небосклоне относительно нас примерно определил, что мы движемся в юго-юго-западном направлении (по-морскому: зюйд-зюйд-вест). А что у нас там? Африка. Не хватало мне ещё по Африке попутешествовать.

Гребцом в лодке был мужчина лет тридцати. Жилистый, с небольшой бородкой и явно неевропейской наружности, как я мог разглядеть в темноте.

– Сарацин, – пронеслось у меня в голове.

Так оно и есть. Сарацинами, то есть восточными людьми, греки называли разбойничье племя, живущее на северных границах Сирии. Потом сарацинами стали называть всех жителей Востока, а потом это название перекочевало на всех мусульман.

Африканских мусульман ещё называли маврами. Отелло был из их числа и своему сопровождающему я мысленно дал это же имя. На мои вопросы он ничего не отвечал, размеренно грёб, делал небольшие перерывы, а меня не видел в упор.

Может, это смертник, шахид, которому поставили задачу убить меня и не оставить никаких следов? Вот сейчас встанет, крикнет своё: «Аллах акбар» и вытащит пробку в днище лодки. А если я сейчас с криком: «Слава Богу» сделаю тоже самое? Что, глаза выпучите от удивления? Скажете, что этим могут заниматься только мусульмане?

Полноте, господа иноверцы. Почему вы думаете, что человек, потерявший всех своих близких в результате акта самоубийства смертника, не сделает то же самое? Возьмёт и сделает. Посеявший ветер, пожнёт бурю. Смертники убивают совершенно безвинных людей. За это

Аллах возносит их в рай и даёт каждому по двенадцать девственниц для услады. Вы-то сами задумывались над тем, чем является ваша религия? Запрет на изобразительное искусство, обязательная паранджа для женщин, нетерпимость к другим конфессиям – это те добродетели, которые нужно насаждать во всем мире? Вы не думаете, что это ничем не лучше Ordnung, который хотел насадить Гитлер?

Мои размышления прервал свист, раздавшийся где-то в стороне. Лодочник повернулся в сторону сигнала и сам свистнул в ответ, начав более активно грести. Минут через десять мы подплыли к корме небольшого парусного судна.

В Одессе такие судёнышки называют фелюгами или шаландами. Шаланда – это вообще-то французское слово. Я не большой специалист в морском деле, но знаю, что шаланда – это небольшая плоскодонная баржа для погрузки и разгрузки крупнотоннажных судов на рейде или рыбацье судно в средиземноморье. На Чёрном море так называют плоскодонные парусные рыболовные лодки. Знаю, что шаланды могут принимать на борт по пятьсот тонн груза. Длина этого судна метров пятьдесят, ширина чуть более десяти метров и экипаж пятнадцать-двадцать человек. И обязательно есть один-два двигателя внутреннего сгорания для передвижения в штиль. Одним словом, морской корабль.

Вот к такому кораблю и мы и причалили. Через створку заднего борта я вышел на палубу и почувствовал, что нахожусь на настоящем судне. Какой-то человек в белой чалме посмотрел на меня и отдал команду на арабском языке. Члены команды, как-то язык не поворачивается назвать моряками тех полуголых людей, что сновали по палубе, подняли паруса и воротом вытащили якорь. Небольшой ветерок мгновенно надул паруса, и я почувствовал, что шаланда стала медленно двигаться по воде, что подтвердило и журчание воды по бортам.

– Оберлётнант цур зее Мехмет Фейсал аль-Хусейни, абвер, – представился мне на неплохом немецком языке человек в белой чалме, – добро пожаловать на борт моего корабля, господин штандартенфюрер.

Вот оно как. Дело фюрера живёт и процветает. Знакомая фамилия аль-Хусейни – Святой Хусейни – есть такой муфтий Иерусалима аль-Хусейни. В 30-годы англичане выгнали его из Палестины за нацистские убеждения. Он обосновался в Берлине, создал «Арабское бюро». Газеты сообщали о его встрече с Адольфом Гитлером в ноябре 1941 года. Муфтий называл Гитлера защитником ислама, а Гитлер в ответ обещал уничтожить все еврейские элементы на Ближнем Востоке.

Интересная цепочка выстраивается: гестапо – иностранные легионы СС – украинские националисты. Кто-то нажал на кнопку, и я оказался на свободе. Кто же тот таинственный «Кто-то», кто до сих пор нажимает кнопки в механизме невидимого Рейха?

– Здравствуйтесь, господин оберлётнант, – сказал я, – отрадно видеть, что у Рейха столько много друзей. Какие вы получили инструкции в отношении меня?

– Моя задача – принять вас на борт и доставить в условленное место на побережье, – доложил старший лейтенант.

Был бы он простым бедуином, он бы объяснял мне это с использованием прутика, которым чертил замысловатые узоры на песке, показывая, где он, где я и что ему пришлось пережить, пока он добрался сюда, и что ему предстоит пережить ещё за ту мизерную плату, которую ему дали и которую ему дадут ещё, и что он это делает только из уважения к богатым людям, и деньги ему вообще не нужны, но вообще-то было бы очень неплохо, если бы сумма вознаграждения была увеличена, по крайней мере, раз в пять.

– Очень хорошо, – сказал я, – а сейчас расскажите, что делается в мире.

Я всегда считал, что первое впечатление – это как фотоаппарат, который запечатлевает именно то, что есть на самом деле. На Востоке всё по-другому. Если бы я сначала сел попить чая, покушал плов, фрукты, а потом бы осведомился между делом, не слышно ли ничего нового из того, что творится в мире, то, может быть, что-то новое можно было услышать, а, возможно,

и нет. С другой стороны – зачем торопить события, что было, то уже было и просто нужно ждать, когда известия о нем дойдут до базара, а потом распространятся среди всех жителей Востока. Конечно, кому очень нужно быстро знать обо всех событиях, тот может включить радио или купить газету.

– Этот вопрос не входит в мою компетенцию, господин штандартенфюрер, – сказал капитан судна, очень ловко выкрутившись из созданной мною неловкой ситуации.

Глава 8

Два дня, проведённые на шаланде, можно назвать экзотическим туризмом. За эту экзотику богатые люди выкладывают огромные деньги, чтобы схлопотать по заднице шваброй за плохо вымытую палубу, а потом на обед получить полусваренную рыбу с живыми описторхами.

Если бы наша Россия не была зашорена как ломовая лошадь в большом городе под названием «Мир», то мы бы стали центром мирового экстремального туризма с плохо оборудованными гостиницами, удобствами во дворе, трескучими морозами, кормлением собак непосредственно перед охотой, осечками ружья при встрече с медведем, ловлей огромной рыбы самыми простыми снастями, банями, застольями с похмельями и обязательными драками. Потом бы все это устаканилось и вышло на уровень пяти звёздочек, но раз Россия отрешается от всего, что могло ей нести выгоду, то тогда говорят – насильно мил не будешь.

Через два дня Отелло вывез меня к берегу, где меня должны ждать верблюды. Я сидел в лодке и ждал этих верблюдов, а Отелло на своём языке уговаривал меня выйти из лодки и позволить ему возвращаться на своё судно. Я сидел с каменным выражением лица и согласно кивал головой, перебирая самшитовые чётки, подаренные мне оберлейтенантом цур зее. Махнув Отелло рукой, я знаком приказал ему пойти вглубь побережья, чтобы поискать, где же ожидающие меня верблюды. Прогулявшийся Отелло тоже жестами показал, указывая пальцем на солнце, что они вот-вот подойдут.

– Кто же ходит по жаре? – подумал я, глядя на маленьких рыбок, которые игрались на мелководье. – В Испании, в Португалии, а Латинской Америке, да и в Африке с арабскими странами тоже с полудня и до четырёх часов пополудни начинается время, называемое сиестой, когда все люди лежат в тенёчке и дремлют после сытного обеда.

Часов в пять из-за холма показались два верблюда с погонщиком и направились к нам.

– Это уже точно за мной, – подумал я, не делая даже попыток движения в их сторону.

Стоявший на берегу лодочник-Отелло поговорил о чем-то с погонщиком и призывно махнул мне рукой.

– Ну, это уже другое дело, – подумал я и подошёл.

Погонщик поприветствовал меня и предложил садиться на верблюда, который для этого опустился на песок. Седло-сиденье было неудобным, и я чуть не свалился с него, когда верблюд вставал на ноги.

Мой новый проводник что-то мне ещё говорил на арабском языке и улыбался, прижимая руку к груди, но я не понимал ни слова и отдался на волю времени древности, которое окружало меня со всех сторон.

К ночи мы подъехали к стоянке каравана. Стояли лёгкие шатры, это я так говорю вышенно – а попросту навесы на палках, в центре горел костерок, на котором стоял большой чугунный казан, прикрытый деревянной крышкой. Похоже, что под крышкой булькала сурпа. Неподалёку сушилась шкура ещё сегодня живого барана, в сторонке человек с блестящим в свете пламени ножом что-то готовил. От увиденного сами собой легли на память строчки:

*По пустыне бредёт караван,
День за днём, день за днём,
На верёвке блеет баран
Белым днём.*

*Только солнце уйдёт на покой,
Для себя мы растянем шатры*

*И устроим невиданный той —
Похлебаем сурпы.*

– Ассалам алейкум, агаи сарханьг (Желаем здравствовать, господин полковник), – приветствовал меня по-арабски караван-баши. – Тот, кто послал нас к вам, очень точен во всем, как и подобает королю, – он склонил голову и приложил руки к груди, выражая почтение.

Последние слова караван-баши произнёс на английском языке. Немудрено, арабский Восток негласно входил в сферу влияния Британской империи. Знание английского языка обеспечивало неплохие контакты, как с самими англичанами, так и с представителями стран, вынужденными использовать английский язык для общения.

Мне сразу вспомнился конвоец гетмана Скоропадского, жаловавшийся на то, что его ридну мову не признают нигде. И правильно делают, что не признают, потому что они сами с презрением относятся к языкам международного общения. Есть английский, французский, немецкий, русский, китайский и арабский языки, которые объединяют всю массу населения земли. Это и есть языки межнационального общения, а всемерное развитие своего языка в ущерб межнациональному общению это попытка введения в мировую моду оселедца и турецких красных или зелёных шаровар с чикчирами или возвращения людей в первобытнообщинный строй, из которого они только недавно вышли.

– Здравствуйте, уважаемый, – по-английски отвечал я, – как добрались до этого места, все ли в порядке с животными, с товарами, как вы себя чувствуете, что видели по дороге? – проявил я где-то слышанную форму восточного этикета и не ошибся.

Караван-баши стал мне подробно рассказывать, как они провели день, что они делали, что видели, как жалобно блеял баран, перед тем как усладить своего хозяина сочным шашлыком и нежной сурпой. Получилась очень содержательная беседа, во время которой нам принесли чай, сушёные и мелконарезанные фрукты, орешки и кишмиш. Затем подали сурпу в больших пиалах, кося, из которых её можно хлебать ложкой или отпивать через край.

– Для дорогих гостей у меня есть нечто, – сказал хозяин, приоткрыв край ковра, на котором мы возлежали, и показал бутылку шотландского виски, – мне Коран запрещает, а гостю все можно. Кроме того, надо мной полог и меня сверху Аллах не видит, а я гостю составлю компанию, чтобы ему не было скучно проводить за столом эту чудную ночь, – с этими словами он налил по паре «триньков» виски в пустые чайные пиалы. Мы выпили, не чокаясь, чтобы не привлекать внимания единоверцев хозяина. Со временем арабы начнут чокаяться, как и мы, потому что звяканьем стаканов, рюмок, бокалов, по старинным поверьям, мы разгоняем нечистую силу и распугиваем злых духов.

Спал я под отдельным навесом на коврике, вокруг которого была разбросана верёвка из конского волоса.

– Это чтобы змеи и каракурты с тарантулами не заползли на отдыхающего путника, – объяснили мне.

Сон был крепким и мне ничего не снилось. Хотя, нет – снилось, что я плыву в море, меня покачивает и что вокруг меня солнце, и солнечные блики от воды слепят мои глаза. Какой-то человек в профессорской мантии ходил вокруг и монотонно говорил, что тарантулы не опасны для человека. Их яд не убивает, а только приносит болезненные ощущения. В старые времена от укусов тарантула лечились, прыгая под быструю музыку. Вот так и родился старинный танец тарантелла.

Глава 9

Я проснулся от того, что солнце светило мне прямо в глаза. Караван снимался со своего места и готовился к отходу. Судя по положению солнца, было достаточно рано, где-то между шестью и семью часами утра. Мне принесли чай и сухофрукты, я перекусил и стал готовиться к дальнейшему походу.

Караваны даже в эпоху развития цивилизации в 1945 году играли важную роль в доставке грузов в отдалённые и малоразвитые районы арабских стран. Все войны, революции, технический прогресс, цивилизация продвигались вдоль дорог, на одной из последних позиций которых оказываются и караванные тропы. Раньше эти тропы были разносчиками или носителями прогресса, то по мере технического прогресса они стали отодвигаться от него все дальше и дальше. Тем не менее, восток пока не отказывался от караванов.

Через два дня пути мне сказали, что мы приехали. Мы стояли посредине огромной пустыни. Вокруг не было никого, кроме двух человек и трёх верблюдов. Меня встречали старик и мальчик. Откуда они узнали про меня и в какой город они меня повезут? Я распрошлся с караван-баши и подошёл к ожидавшим меня арабам. Они оценивающе посмотрели на меня, жестом указали на одного из верблюдов, которому так же жестом приказали лечь. Я сел в седло, верблюд встал, и мы «закачались» в сторону от караванной тропы.

Часов через пять пути мы прибыли к назначенному городу, если можно назвать городом пяток кибиток и столько же натянутых пологов, кошару для овец, колодец и человек десять женщин и детей, то там, то тут появляющихся возле кибиток.

Мои попытки общения с моими новыми хозяевами положительного результат не дали. Ни один из известных мне языков им был не знаком, точно так же и мне не был известен их язык. Вот и получается, что стоят два человека, держатся за руки и между ними стена, которая не даёт им общаться.

Мне отвели место в одной из кибиток, где жили молодые юноши, как я понял по спартанской обстановке. Основная часть населения, порядка десятка человек была на работе, на выпасе отары и стада верблюдов. К вечеру они вернулись домой, и по количеству людей и животных стало видно, что эта семья достаточно зажиточная.

Старший сын хозяина учился в медресе и считался очень грамотным, раз ему поручили установить со мной связь посредством письма. Я взял листок и написал слово «Adam», указав на себя.

– А-а-а, – радостно сказал юноша и написал карандашом на бумаге арабские письмена – Адам, – сказал он, – алиф, даль, алиф, мим.

Это стало введением в курс изучения мною арабского языка и его алфавита: алиф, бэ, пэ, тэ, сэ, син, шин, даль, заль... И каждому звуку соответствует буква-знак, которая имеет написание отдельно, в начале, в середине и в конце слова. Оказалось, что не так уж и сложно выучить алфавит и писать справа налево. Левши пишут слева направо и ничего, а тут правше писать справа налево. Оказалось, что ничего сложного, зато как интересно выводить эти закорючки и, расставляя в них точки, оживлять неживые линии. Как в детской игре: точка, точка, два крючочка, носик ротик, огуречик вот и вышел человечек.

Арабская письменность сродни искусству, и хорошие каллиграфы ценятся на вес золота, потому что в сложных орнаментах читаются суры из Корана или изречения великих имамов.

Арабское предложение похоже на ромашку. Со всех сторон собираются лепестки слов, о чем хочется сказать, и последнее это глагол, объединяющий эти слова и обозначающее, зачем они здесь все собраны с указанием времени и отношением говорящего к действию. Возможно, что когда-нибудь глагол будет перенесён вперёд, чтобы любой араб сразу мог понять, о чем

идёт речь, а не сидеть с отсутствующим видом во время всех речей и оживляться только тогда, когда речь доходит до глагола.

Как бы то ни было, но у меня оказался толковый учитель и я начал понемногу говорить, благо у меня есть опыт изучения иностранных языков. Главное – не бояться говорить и делать ошибки, вызывая тем самым смех. Даже дети поначалу говорят неправильно.

Вазир, сын хозяина, рассказал, что в медресе их заставляли наизусть со слуха учить суры Корана, а потом уже приступили к письменности. Зная содержание суры, любой человек может быстрее уловить тонкости арабского языка. Нерадивым ученикам доставалось линейкой по голове от строгого муаллима.

Хозяин, Али Мегмет, только цокал языком, глядя на то, как продвигается моё обучение. А меня в то время прорвало. Мне хотелось говорить обо всем, и я донимал всех обитателей посёлка, заставляя называть мне названия того или иного предмета и рассказывать, как по-арабски говорить о его применении.

Я стал потихоньку общаться с хозяином, с удивлением узнавая, что хозяин знает только о ключевых событиях международной жизни, потому что только они влияют на хозяйство и получение прибыли для содержания семьи и поддержания всего рода. Понимая, что от хозяина я мало чего добьюсь, я попросил его заказывать для меня газеты с проходящими караванами.

Хозяина несколько удивила моя просьба, но он благосклонно кивнул головой и сказал, что вообще-то его просил один человек, чтобы обо мне никто не знал, но, если мне так угодно, он будет заказывать местные газеты.

В пустыне, да и вообще в арабском мире, идёт неспешная жизнь. Люди не торопятся жить. Куда торопиться, если пустыня велика, а жизнь коротка? Из штанов не выскочишь, пустыню в два прыжка не перепрыгнешь. Если начинается песчаная буря, то человек не думает о чем-то возвышенном, а старается укрыться от мириадов песчинок, одновременно поднявшихся в воздух и режущих на своём пути все металлические предметы. Сначала нужно всё как следует обдумать, а потом уже приниматься за какое-то новое дело.

Вазир рассказывал мне о пустыне. Этот маленький муаллим впитывал всё, что говорят взрослые и уже учил взрослых науке пустыни. В пустыне есть вода, в пустыне множество всяких животных и растений, которые можно употреблять в пищу, но в пустыне таится много опасностей. Пустыня как зверь годами и веками поджидает свою добычу и в тоже время кормит своих детей, поселившихся здесь. Со временем начинаешь понимать, что эта жизнь вдали от грохота цивилизации и есть та самая настоящая жизнь, которая создала и воспитала человека.

Я не заметил, как прошёл почти год с того времени, как я покинул тесную камеру замка Иф. Наконец, один из сыновей хозяина доставил нам арабскую газету. С какой жадностью я накинулся на неё и сидел как перед лакомством, разбирая арабскую вязь и используя Вазира как словарь арабских слов.

На первых страницах материалы суда над руководством гитлеровской Германии.

Глава 10

Чем больше я читал материалы, тем больше у меня создавалось мнение о том, что устроители процесса решили судить гитлеровский и коммунистический режимы как главных виновников развязывания новой мировой войны.

По линии разведки нам поступали данные о том, что инициатором суда над руководством Третьего рейха выступал Сталин. Он заявлял, что нужно по решению суда расстрелять не менее пятидесяти тысяч преступников. Рузвельт поддержал предложение Сталина о проведении международного суда и Черчилль, главный враг страны Советов во все времена, предложил Сталину поумерить свои кровожадные аппетиты и расстрелять только сорок девять тысяч человек. Сколько человек предложил бы расстрелять Гитлер, если бы Германия победила в войне?

Все знали, что за те преступления, что Германия совершила в России, было бы справедливым от Германии оставить клочок территории, а остальные территории передать в распоряжение других стран, чтобы германский милитаризм не смог никогда возродиться. Но тому же Западу в лице Англии и США в Европе нужен был послушный жандарм, который мог противостоять победившему Советскому Союзу. Поэтому, под предлогом справедливой делёжки добычи России пришлось уйти из многих освобождённых ею территории Германии и выделить зону оккупации даже для Франции.

Справедливо было не пускать никого в Берлин и оставить зоны оккупации такими, какие они были на момент подписания акта о безоговорочной капитуляции. Но Сталин проявил несвойственную ему мягкотелость. Разве он не понимал, что Западу верить нельзя. В порядочности Запада обманывались все русские цари, начиная с Александра Первого, а сейчас – Сталин. За Сталиным придут те, кто перед Западом будут стелиться в подстилку, лишь бы признали, что и Россия тоже Европа. А Запад будет кочевряжиться и говорить:

– Что? Россия – Запад? Да не смешите нас.

Новые российские цари будут униженно улыбаться и проситься в семью западных народов, будто не зная, что в этой семье они будут мальчишками на побегушках и пастухами голландских коров, обутых в сибирские валенки.

Самым злейшим врагом России будет как всегда Англия, для которой сильная Россия – это как нож в горле или как преграда для расширения своего влияния на российские территории.

Газеты соревновались в своей юридической подкованности, одобряя решение о создании международного трибунала, но и обсуждая вопрос о том, кого будут судить как агрессоров или поджигателей войны.

Если судить агрессоров и поджигателей войны, то на войне подсудимых должен быть и Сталин. Он совершил агрессию в отношении Финляндии в 1939 году, после того как совместно с Гитлером начал агрессию против Польши, держа в руках факел Второй мировой войны.

Война СССР и Германии была бы в любом случае, а, возможно, её могло и не быть. Я помню, как ликовали в рейхсканцелярии, когда был подписан пакт о ненападении с СССР. Не успели высохнуть чернила на подписях, как началось дело в Гляйвице.

Если бы Сталин не дал отмашку Гитлеру, то Гитлер никак бы не смог напасть на СССР, перепрыгнув через Польшу. А нападать на Польшу без одобрения Сталина Гитлер боялся, так как Сталин мог получить международную поддержку, выступив на защиту украинцев, проживающих на её территории.

Если бы Гитлер пошёл все-таки на эту авантюру в одиночку, его бы задавили всей мощью Запада. Возможно, что и Франция тогда бы оказала сопротивление и, воленс-ноленс,

создался бы не теоретический, а практический антигитлеровский фронт, и неизвестно, как бы вся история тогда повернулась.

То, что жертв войны было бы значительно меньше, это однозначно. Возможно, тогда бы не было и Катыни, где Сталин расстрелял двадцать тысяч польских офицеров в отместку за уничтожение красноармейцев, попавших в плен к полякам в 1920 году.

Катынь все равно бы не выправила советско-польские отношения. Поляка куда ни целуй — везде одна польская задница, но отношения были бы менее враждебными со Смутного времени и наполеоновских войн.

Пакт о ненападении между Германией и СССР ничем не лучше «Мюнхенского сговора» по умиротворению агрессора. Помяните моё слово, когда настанет пора объективного осмысления истории, сталинская оценка этого пакта превозобладает и будет отстаиваться на всех уровнях, учитывая немалую роль Германии в совершении в России пролетарской революции и предвоенного военно-технического сотрудничества.

Так оно будет до тех пор, пока Запад сам не перестанет заниматься откровенным враньём и фальсификацией истории в свою угоду. Но разве он перестанет? Разве он станет признавать, что уничтожение города Лейпцига ковровым бомбометанием не имело смысла в военном отношении? Да и Лейпциг был не единственным германским городом, разрушенным подобным образом. Или то, что западные союзники добивали экипажи тонущих судов, как и представители германского кригсмарине? И то, что Хиросима и Нагасаки были японскими Лейпцигами? Да никогда. Вот и советская историография никогда не признает, что действия Сталина все-таки привели к войне против СССР. По третьему закону англичанина Исаака Ньютона, как аукнется, так и откликнется.

СС была отмечена на процессе. Вместе с НСДАП, национал-социалистической рабочей партией Германии, она была признана преступной организацией. Все подразделения СС, в том числе и национальные подразделения, тоже были признаны преступниками. Да как их не признать преступниками, если в белорусской Хатыни действовали украинские эсэсовцы, а латышские эсэсовцы уничтожали евреев и белорусов с таким зверством, что заслужили порицание даже от руководства РСХА. Сейчас СС пожинает свои плоды.

Нам поступала агентурная информация о том, что советское руководство собирает данные о фактах военных преступлений и главных их фигурантах, для того, чтобы их можно было привлечь к суду.

Очень важную информацию представляли партизаны. Свидетельства очевидцев и фамилии участников экзекуций ложились в архивы или по радио передавались на Большую землю. Некоторые горячие головы из СС и Вермахта стали более трезво смотреть на отношение к населению оккупированных территорий, перекладывая вину за экзекуции на национальные формирования и не жалея «остеров» — орденов для награждения национальной администрации и военнослужащих.

Ордена были недорогие. Штамповались из цинка и покрывались жёлтой и белой краской под золото, серебро и бронзу. Из цинка делали гробы для транспортировки покойников и ордена в виде непонятной звезды с восточным орнаментом в медальоне с мечами и без мечей. Создавалось ощущение, что этими орденами награждал хан Мамай, а не фюрер немецкого государства.

В марте 1946 года перед самым вынесением приговора руководству Третьего рейха, в Фултоне выступил вечно подвыпивший бывший союзник Уинстон Черчилль. Он сказал, что Сталин опустил над своей страной железный занавес и призвал бывших союзников бороться с СССР. Если бы Черчилля не было, его нужно было бы выдумать. Нашли бы другого видного политика, которому тиснули бы такую же речь, налили стакан армянского коньяку и подвели к микрофону в славном городе Фултоне.

Всем руководит какая-то невидимая рука. Мне с караваном передали французские документы, где я на фотографии был с бородой, и записку с предложением поехать в Париж, на улицу Fructidor, где меня ждёт нужный мне человек. Кто это ждёт меня там? Уж не ловушка ли это?

– Полноте, сударь, – сказал я сам себе, – для чего спасать с острова Иф и прятать у бедуинов, чтобы в спокойное время отдать в чьи-то чужие руки. Но кто тот человек, кто направляет мои действия?

Глава 11

Вместе с документами мне была прислана легенда (то есть – жизнеописание) владельца паспорта и определённая сумма денег, чтобы мне хватило на дорогу к месту назначения. Чувствуется, что фирма эта веники не вяжет и там работают профессионалы.

Я приехал в Париж и пошёл на улицу Fructidor. Любой парижанин скажет, что там находится. А вы знаете? Сомневаюсь. На этой улице находится штаб-квартира концерна «Ситроен». Citroën, – как говорят французы.

Так как никаких инструкций для меня не было, то на улице Fructidor я выбрал компанию «Ситроен» и зашёл в контору по найму в поисках работы.

– Что вы умеете делать? – спросила меня инспектор по кадрам.

Действительно, а что я умею делать? Я почему-то давно не задавал себе этот вопрос, потому что не относился к сфере материального производства или обслуживания, а являлся скорее потребителем их. Я был специалистом в области разведки и контрразведки, знал иностранные языки, у меня был хорошо подвешен язык, я мог контактировать с любым нужным мне человеком, но вот что я мог делать, это был вопрос из вопросов. Так можно задать вопрос профессору или академику:

– А что вы можете делать?

И профессор ответит:

– Я умею думать, если бы я этого не умел, то давно стоял в яме и лопатой выкидывал оттуда землю, но я придумал экскаватор, который копает ямы. Вот и думайте, что я умею.

Инспектору кадров я ответил так же, как ответил бы ей любой академик:

– Я – управленческий работник, – и нисколько при этом не покривил душой. – Я могу управлять и организовывать людей на исполнение любых задач. Технические вопросы пусть решают специалисты, а управленческие вопросы пусть решают управленцы.

Выйдя из кабинета инспектора по кадрам, я огляделся и с правой стороны в конце коридора увидел дверь, блеснувшую позолотой пластинки владельца.

– Интересно, что это за туз расположился в стороне от главного управленческого корпуса, – подумал я и пошёл в сторону того, что блеснуло.

Подойдя поближе, я увидел бронзовую пластинку с надписью: «Александро Гривас, инвестор». Я постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, открыл её. То, что я увидел, меня настолько удивило, что я даже не знал, что и сказать.

За письменным столом сидел дед Сашка.

Он совершенно не удивился моему появлению и сказал буднично:

– А я ждал тебя раньше, где ты так прохлаждался?

Мы обнимались с ним так, как это умеют делать только русские. Мы похлопывали друг друга по спине и немного отстранялись, чтобы лучше рассмотреть того, встреча с кем оказалась неожиданной, но желанной.

– Пойдём ко мне, – сказал дед Сашка, сложил все бумаги и запер их в сейф.

Александро Гривас снимал трёхкомнатную квартиру неподалёку от конторы. Зачем тратить на поездки час времени, когда можно пройтись пешком по утренней свежести. Кроме того, должность инвестора не предполагала чётко ограниченного рабочего дня, и вообще было непонятно, что он делает.

Сев за стол и наскоро утолив голод, я попросил деда Сашку рассказать всех о его приключениях.

– А чего тут рассказывать? – просто сказал дед. – Приключения были у тебя. Когда тебя загребли в полицию, я под шумок ушёл из собравшейся толпы и пошёл куда глаза глядят. Одним словом – никуда. Подальше. Денег в карманах ни гроша, французского языка не знаю,

шпрехаю по-немецки да по-испански, костюм шибко у меня неприглядный. Да и какой может быть костюм у человека, который грохнулся с небес на землю, будучи придавленным канистрами с бензином. Хорошо хоть рожа и борода не обгорелые. Куда идти и что делать, ну, убей меня Бог, даже ума не приложу. Покумекал я по-стариковски и подумал, что раз я во Франции, то и нужно жить по французским правилам, а именно: шерше ля фамм. Ищи женщину. Какую же женщину мне найти? Молодуха не подойдёт, у неё одни танцульки на уме. Ту, которых любил Бальзак, так тем романтику подавай, чтобы увядающей молодостью тряхнуть как клён осенью. Глубокую старуху, так за ней уход нужен. Значит – нужно искать ровесницу. И встретил я такую около овощной лавки. Так скромно говорю ей по-испански:

– Сеньора, позвольте мне помочь вам в знак признательности за то, что я могу лицезреть вас сегодняшним днём.

Не знаю, что она поняла, но она дала мне в руку свою кошёлку и взяла меня под руку. Мы шли с ней как два человека, которые каждый день встречаются в одно и то же время в одном и том же месте и прогуливаются от лавки до дома. Перед её домом я поцеловал её руку и приложил руку к сердцу.

На моё удивление дама по-испански предложила мне зайти к ней. Испанский она знала серединка наполовину, но поняла, что я нахожусь в бедственном положении, рад бы обратиться за помощью, но испанская гордость не позволяет мне это сделать, поэтому она предлагает мне примерить одежду её покойного мужа и принять ванну.

Ты же знаешь, я ещё мужик ничего, а тут вышел из ванной в мягком халате шоколадного цвета, побритый, причёсанный, румяный и это в пору повсеместного мужского дефицита.

У хозяйки нашлись припрятанная бутылочка хорошего вина и место в постели. Она меня научила французской любви и французскому языку. И вот я в числе инвесторов «Ситроена». А всё начиналось со старых капроновых чулок моей дамы. Я же не зря окончил коммерческое училище. Кто-то начинает с формулы товар – деньги – товар, мне же пришлось начинать с деньги – товар – деньги.

Сам знаешь, что честный процесс накопления первоначального капитала достаточно длительный, поэтому я решил обратиться к счетам нашего трастового фонда в Аргентине. Сначала я снимал деньги, необходимые на проживание, но затем я начал развивать торговлю и вкладывать деньги в промышленность. Торговля первая принесла дивиденды. Моя хозяйка управляет целой торговой сетью в Париже, а я в какой-то мере уже компенсирую все заимствования со счетов.

– Ты знаешь, кто спас меня? – спросил я.

– Как тебе сказать, – замялся дед Сашка, – тут целый Интернационал работал.

– Коммунисты, что ли? – не понял я.

– Какие коммунисты, – обиделся дед, – коммерсанты. Коммунисты из Советов тут все крутились, все тебя хотели заполучить, переговоры с правительством вели, что ты, мол, из СС и зверства всякие в России чинил. А деньги всех объединили и тебя вывезли на границу, а оттуда в Африку к бедуинам. Те не только на кобыльем молоке живут, но и деньги умеют считать. Уж на что братья наши с Украины москалей на дух не переносят, а тут деньги всех примирили. Как все поутихло, так я тебя сюда и выписал.

– Ну, что же сеньор Алехандро, – сказал я торжественно, – за проявленные деловые качества объявляю благодарность. Что дальше-то делать будем? – спросил я.

– А хрен его знает, – честно ответил дед Сашка, – будем жить, пока живётся, а там видно будет.

Глава 12

А ведь он прав. Какая у человека в жизни цель? Никто этого точно не знает. Пока молодой, нужно становиться старше, выучиться. Стал старше, выучился, нужно становиться знаменитым в своём деле. Но знаменитыми становятся единицы. А как же остальные? У них что, жизнь не удалась? Почему не удалась? Есть семья, дом, уважение на работе, средства для жизни. И можно сказать, что человек всего добился, не будучи знаменитым на весь мир. Вот и я думаю, чего я достиг к своим пятидесяти годам? Почти что ничего. Кто я? Можно сказать, что никто. Даже родины как таковой нет. Но родина скоро напомнила о себе. И не только она одна.

Деловая хватка у деда Сашки была ещё та. Ему бы дать волю, так неизвестно, кто был бы богаче, он или Ротшильд. Все, к чему ни прикасался дон Алехандро, превращалось в серебро или в золото. Я был определён на должность политического консультанта, определявшего перспективные отрасли для инвестиций. Кто-то скажет, что за бюрократия у частного предпринимателя? Обыкновенная и причём должна быть поставлена так, чтобы никто, ни одна налоговая инспекция не получила никаких доказательств того, что заработанные деньги уходят куда-то безучётно и с них не платится подоходный налог, а также не делаются отчисления в разные социальные фонды. Каждый сантим должен быть на учёте на накладные расходы и заработную плату сотрудникам.

Я вёл тихий образ жизни, не высовываясь и практически ежедневно, за исключением выходных дней, посещая публичную библиотеку, пролистывая все выходящие газеты. Работа, скажу вам, утомительная, но приносящая свои плоды. Я уже нашёл тройку своих бывших сослуживцев по гестапо и искал следы Мюллера или Бормана. Но не было даже зацепок, указывающих на их присутствие в этом мире.

Раздел частных объявлений и рекламы всегда был излюбленным местом для почтовой переписки шпионов всех мастей. Поздравления бабушек и тётушек, извещения о свадьбах и похоронах, торжествах и встречах при внимательном рассмотрении дают обильную информацию для размышлений.

Однажды у меня мелькнула мысль, а не занимаюсь ли я бессмысленным делом, не уточнив у деда Сашки, что же он налил в пять оставленных ему Мюллером пластмассовых капсул. Об этом я прямо спросил его, когда вернулся на нашу съёмную квартиру.

– Что я налил туда? – дед чего-то задумался. – В две я точно налил сон-траву для твоего шефа и для его жены, как я понял. А в три других – это для самых злодеев, которые хотели сбежать от суда – я налил настойку разрыв-травы. Пусть помучаются, гады, когда выпьют.

Сейчас понятно, кому предназначались эти три капсулы – Гитлеру, Герингу и Гиммлеру. Компания подобралась солидная, да только откуда у них будет уверенность в том, что русский поможет им избежать кары? Нет такой уверенности и быть не может. Дед Сашка привёл в исполнение приговор народа. Колесовать, четвертовать, вешать, рубить головы – это все забавы для верхов. Народ простой даже врага своего лишает жизни по-простому – либо утопит, либо оглоблей прибьёт, а если не до смерти, то принародно выпорот.

Из всего сонма руководителей Рейха исчезнувшими считаются два человека – начальник партийной канцелярии, как бы генеральный секретарь партии Мартин Борман и начальник гестапо Генрих Мюллер. Причём они были при Гитлере до самых последних минут, а потом взяли и испарились. Если бы они выпили дедовские капельки, то их тела остались, и никто не стал бы искать их в будущем. Следовательно, капельки они оставили на потом, когда будет выходить естественный срок их жизни.

Просто так без оглядки такие люди не могли убежать. Пути ухода были подготовлены заблаговременно и сейчас их глаза и уши наблюдают за всем происходящим, собирая информацию и проводя исподволь работу по созданию нового Рейха. Где этот Рейх проявится, как

он будет проводить в жизнь теорию достижения мирового господства? Вполне возможно, что Мюллер и Борман пошли на контакт с представителями союзного командования и за предоставленные сведения им были обещаны золотые горы.

Но эта парочка не настолько глупа, чтобы пойти на прямой сговор с противником, чтобы в последний момент быть повешенными способным на все Гитлером или теми же союзниками в интересах политики. Были бы они сошки поменьше, то их бы укрыли и жили они спокойно, наслаждаясь заокеанским образом жизни.

Эти будут работать чужими руками, используя новые экономические методы для увеличения размещённых за границей ценностей и использования их на политику. Следовательно, нужно смотреть за изменениями в политической линии промышленно развитых государств. Вряд ли Мюллер с Борманом будут развивать какую-нибудь банановую республику, чтобы с её позиций начать свой завоевательный поход. Естественнее всего – присоединиться к победителю, легализоваться в его среде и начать формирование собственной структуры.

За семьями Бормана и Мюллера давно установлена слежка всеми спецслужбами мира, потому что как бы ни секретились главы этих семейств, они все равно где-то проявят себя в контактах с родственниками. В опосредованные контакты с ними через третьи и десятые руки мне лучше не влезать, чтобы не стать дополнительным объектом наблюдения в системе Борман – Мюллер.

На каком-то этапе я вдруг почувствовал слежку за собой. Если нормальный человек вдруг почувствует, что за ним кто-то следит, то ему лучше всего проверить свои подозрения, а не идти со своими мыслями к врачу-психиатру, который со спокойной совестью запишет вам в карточку диагноз: вялотекущая шизофрения, мания преследования и на всю оставшуюся жизнь вы останетесь шизофреником с признаками мании преследования. И чем сильнее вы будете доказывать, что вы не шизофреник, тем убедительнее будет поставленный вам диагноз.

Тот, кто хочет по шизофрении откосить от армии, может откосить от всего, что ему угрожала жизнь. Диагноз, поставленный вам психиатром, никто отменить не может, могут только усилить диагноз или поменять окраску с добавлением слов «буйный», «тихий» и тому подобное.

По идее, каждый человек – шизофреник, только у каждого человека разное развитие шизофрении. В пределах допустимых – нормальный человек. И предел допустимости меняется от общественного и должностного уровня, на который поднимается человек. Чем выше уровень, тем выше для него предел допустимости. То, что является преступлением для человека с нормальным уровнем, для человека с высоким уровнем является признаком гениальности или выдающихся способностей. Но это оставим для специалистов, а сейчас нужно разобраться с собой, мания у меня или все-таки за мной кто-то следит.

Глава 13

Нормальный человек, почувствовавший за собой слежку, начинает метаться по городу в надежде либо оторваться от своих преследователей, либо во что бы то ни стало выявить их и потребовать объяснений. Вот тут он выдаёт себя и становится действительным пациентом для врача, потому что никто из указанных им людей никогда и ни при каких обстоятельствах не признает, что наблюдал за ним. Просто стечение обстоятельств, что ему пришлось идти попутно за этим человеком, который часто оглядывался, нервничал и был в состоянии повышенного душевного возбуждения. Ещё кто-то подтвердит это и ваше счастье, если вас просто отпустят домой под наблюдение психиатра.

Подготовленный человек попытается разобраться, в чем дело. Либо это просто стечение обстоятельств, когда в течение дня вы трижды видите бросившегося вам в глаза человека, либо это действительно слежка. Но нужно учитывать то, что среди людей, призванных наблюдать за преступниками и врагами, вряд ли можно найти людей, которые бы бросались в глаза, чтобы их можно было заприметить и запомнить раз и навсегда. Они бойцы невидимого фронта и совершенно нельзя предположить, что это официальные сотрудники спецорганов.

Мне как-то пришлось познакомиться с агентами подотдела IVС1, который занимался наблюдением за иностранцами. Никогда бы не подумал, что это шарфюреры СС. Даже сейчас не помню ни одного из них. Как серые мыши, такие же, как и все.

Я не буду рассказывать, к каким ухищрениям я прибегал, чтобы внимательно рассмотреть всех, кто находится вокруг меня и при этом не дать повода кому-то усомниться в том, что моё поведение неестественно.

Очень осторожно в течение недели я выявил двоих человек, которые почти ежедневно были рядом со мной на одном из участков пути от дома до Публичной библиотеки. Сопоставив время их появления, я понял, что эти люди являются служащими одной из контор, находящейся неподалёку и шли на обед. Стоило мне изменить время посещения библиотеки, как подозрительные люди исчезли. Следовательно, никакой слежки за мной нет. А кто поручится, что продавец газет и мороженщица на углу не являются сотрудниками службы наблюдения? Никто. Либо за мной ведётся очень квалифицированное наблюдение, либо никакого наблюдения нет. Либо я схожу с ума от постоянного перелистывания всех газет и сосредоточения на том, что давно уже перестало существовать.

Трижды я «садил» деда Сашку у окна в одном из кафе, мимо которого я проходил, чтобы он внимательно разглядывал тех, кто идёт вслед за мной. Результат отрицательный.

– Знаешь, Дон Николаевич, – задумчиво сказал он, – никого из знакомых или ранее встречавшихся мне людей я не видел, но и твёрдо утверждать, что за тобой никто не следил, я тоже не могу, потому что и мне начинает казаться, что за мной кто-то следит. Причём, за мной никто не ходит, но почему-то мне стало казаться, что мои сотрудники стали проявлять ко мне повышенное внимание.

Вот дед, в самую суть копнул. С чего бы это кто-то ходил за мной? Кто-то один и мог ходить, чтобы проследить мои контакты. Но контактов у меня нет. В библиотеке работаю. Значит, кто-то из библиотечных работников контролирует, что я делаю. А кто это? Не знаю. Как его выявить? Также неизвестно, но нужно будет подумать над этим.

Нужна приманка как на карася. Карась подходит к крючку с приманкой, а рыбак в это время немного подтягивает к себе леску, и приманка отодвигается. Почмокав губами, карась снова к приманке, а она снова отодвинулась от него. Карась делает решительные движения плавниками, подплывает к приманке, берет её в рот, но не заглатывает, потому что осторожен как карась. Видя, что приманка не вырывается у него изо рта, он поворачивается и плывёт

в свою шпайзехалле – столовую – и вот тут рыбак делает подсечку. Тут уж карась уже никуда не денется.

В один из дней я лениво пролистал все газеты и вдруг как бы нашёл какой-то интересный материал. Минут тридцать я изображал кипучую работу, что-то выписывая и над чем-то размышляя. Затем я взял подшивку с газетами и положил её в самый низ, наложив сверху пять-шесть других подшивок. Как бы спрятал нужную мне газету, а сам пошёл к полке со справочниками. Минут через десять одна из библиотекарей подошла к столику с газетами, взяла ту подшивку, с которой я работал, и унесла её в подсобное помещение. Так, наживку заглотили. Дадим им поработать с газетой минут двадцать, как раз через четверть часа дед Сашка должен занять позицию неподалёку от входа в библиотеку.

После работы со словарями я вдруг взглянул на часы, подхватился со стола и быстрым шагом пошёл на выход, на ходу надевая плащ, посматривая на настенные зеркала, чья тень мелькнёт одновременно со мной в районе гардероба. Похоже, что какое-то знакомое лицо я все-таки видел. Потом дед Сашка подробно описал мне, кто вышел почти сразу за мной. Как же им не выйти, потому что я опаздывал на «какое-то мероприятие» и им нужно было зафиксировать, что я буду делать второпях.

Зря я говорил, что не запомнил ни одной серой мышки из группы по наблюдению за иностранцами. Все-таки запомнил одного с крысиной мордочкой и маленькими глазками. Такой и в войсках не служил, в боях за Берлин не участвовал, отсиживался на квартире, а сейчас вдруг оказался в Париже. Представьте себе немца из центра поверженной Германии в звании эсэсовского шарфюрера в Париже. То-то и оно. Кто-то из сильных мира сего остался таким же сильным и снова мобилизует кадры СС для тайных операций. Но кому же понадобился я? Могли бы просто так подойти и поговорить. Я ведь был отправлен в никуда для легализации со своим стариком. Все инструкции я выполнил, слежка подтвердит, что я чист. Тогда будем ждать контакта. И контакт не заставил себя ждать.

Был вторник, где-то между двумя и тремя часами пополудни. Мы с сеньором Алехандро с запозданием закончили встречу с клиентами в конторе «Ситроена» и шли по пустынной улочке в одно тихое «бистро», где готовили вполне приличные обеденные блюда и варили приятный кофе.

Ехавший навстречу нам маленький «Рено» совершенно не привлёк нашего внимания. Мы взглянули на него, когда он остановился напротив нас на противоположной стороне улицы. Хлопнула невидимая нам дверца, кто-то вышел из автомобиля и вдруг этот кто-то появился из-за машины с автоматом «MP-40» в руках. Выстрелов я не слышал, но увидел огонёк на дульном срезе оружия. Как сигнал фонарика и толкнул деда Сашку вниз. Ничего не подозревавший старик стал падать на тротуар. Я бросился вперёд, чтобы стрелку нужно было перенести огонь на меня. К слову скажу, немецкая «эмпэшка» ничем не лучше английского «стерлинга». Та же пулялка. Массивный затвор раскачивает все тело оружия и разбрасывает пули в разные стороны. В упор при сноровке ещё можно попасть, а на расстоянии – создание плотности десять пуль на один погонный метр фронта для отражения атаки. То есть пуля через десять сантиметров, в кого-нибудь да попадёт. Я все удивлялся, почему все боятся автоматного огня. Да потому что не знаешь, какая шальная пуля попадёт в тебя. Русский ППШ в этом отношении был точнее, а вся война велась при помощи винтовок и пулемётов.

Оружия ни у меня, ни у деда Сашки не было, но я, падая на тротуар, вытянул руку в направлении стрелявшего. Когда человек стреляет в безоружных, это одно. А когда он видит, что у жертвы нападения в руках вроде бы есть оружие, то и он превращается в потенциальную жертву. И этот тоже подхватился и побежал к своему автомобилю. «Рено» сильно газанул, сорвался с места и исчез переулке.

Я подошёл к неподвижно лежавшему сеньору Алехандро. Ошиблась гадалка, не блондинка тебе смерть принесла, а брюнетистый мужчина с автоматом в руках. Я перевернул его,

увидел окровавленное лицо, изорванную пулями одежду и даже готов был заплакать от жалости к этому старику, погибшему на чужбине. Внезапно дед Сашка открыл глаза и сказал:

– Все уже? Где мы?

Раненные или убитые так не говорят.

– Живой? – спросил я.

– Живой, – отозвался старик.

– Быстро вставай и пошли отсюда, – сказал я и помог ему подняться.

Глава 14

Дед Сашка встал. Я осмотрел его. Живой. То, что повреждено, сейчас в горячке боя не увидишь. Все будет вылезать позднее.

– Пошли, – и я, схватив его за руку, повёл в сторону дома.

Нужно как можно быстрее уйти с места стрельбы, чтобы не попасть в число людей, с которыми снова приключились какие-то приключения. Тавтология какая-то – приключились приключения. Никуда не денешься, то, что приключается и называется приключениями.

По дороге я зашёл в магазин и купил русской водки. За границей наша водка относится к числу элитных спиртных напитков и стоит как хороший коньяк. Но сейчас можно позволить роскошь. Мой спутник прикрывал разбитое лицо. Мы шли малолюдными переулками, срезая оживлённые улицы и подбираясь к дому.

Хозяйка, приютившая деда Сашку, ставшая его любовницей и соратником в бизнесе, была дома.

– Что случилась, – по-бабьи завопила она и начала суетиться, не зная, то ли ей нужно готовить постель, то ли ванну, то ли ещё что.

– Мадам, приготовьте ванную, – спокойно сказал я, – затем постель, сытный обед и граёные стаканы.

Одежда сеньора Алехандро Гриваса напоминала лохмотья, но у него не было ни одной царапины, кроме трёх больших синяков и порезов на лице от раскroшившегося от пули камня. Стреляли в основном в него и, как мне показалось, стрелял тот, с крысиной мордочкой.

По нас было выпущено десятка два пуль. У меня две пробоины в плаще. У деда Сашки пуля в бумажнике пробила пачку денег и остановилась в серебряном русском рубле, который дед Сашка таскал с собой как магнит для других денег. Вот он первый синяк.

Золотой портсигар с монограммой, купленный как презент одному влиятельному лицу. Пробита одна створка, на второй створке пуля остановилась, сделав порядочную вмятину. Вот и второй синяк.

А откуда третий синяк на локте? Неудачно упал. Показывал я деду Сашке приёмы страховки при падении, когда нужно руку вытягивать параллельно земле, а не перпендикулярно, иллюзорно думая, что так смягчишь удар о землю. Ничего подобного. Так только руку сломаешь, а падать нужно плашмя, подпружинивая вытянутой рукой.

Что-то мне кажется, что деньги спасли Алехандро и деньги же стреляли в него – он снимал деньги с тех счетов, которые мы открывали. Он снимал деньги, дополнял счета и эти счета уже были не просто на какого-то предьявителя, а на конкретного человека.

Похоже, что мы переступили черту, наблюдать за которой поставили резких парней, которым совершенно наплевать, кто там стоит ближе к Борману или Мюллеру. Сказано – не тронь, так и не тронь.

Похоже, что нам придётся подыскивать новое место для жилья, а деда Сашку срочно «хоронить». Ну, положим, хоронить мы его не будем, но придётся раскидать все деньги по разным банкам и путём проведения перечислений со счета на счёт постараться запутать церберов у ящиков с золотом Рейха. Все-таки ещё живы те, кто должен быть на скамье подсудимых, но куда-то скрылся.

Если бы был найден Борман или Мюллер, то тогда можно было поверить в то, что настоящий Гитлер мёртв. Но эта сладкая парочка испарилась и, кажется, прихватила с собой ещё кое-кого. И эти кое-кто уже начинают устранять тех, кто не оправдал их доверия. А, может, это было просто предупреждение мне?

Так это или не так, перетакивать не будем. Нужно воздать должное нашему чудесному спасению. Спасибо теории вероятностей и теории невероятностей, а также создателям писто-

лета-пулемёта «МР-40» за наше спасение. Был бы у них американский «томпсон» или русский ППШ, то не мы бы сидели за накрытым столом, а кто-то сидел за этим столом, поминая нас добрым словом. А как же иначе? Только добрым словом. Ещё древние римляне говорили: о покойниках либо хорошее, либо ничего кроме правды.

Дед Сашка вышел из ванной в махровом халате и с физиономией, залепленной крестиками лейкопластыря. Ни дать, ни взять как после разговора с дражайшей половиной по случаю загула с девочками и цыганами.

Стол готовил я. Крупно нарезанная селёдка с кольцами лука, свинина тушёная из банки, колбаса брауншвейгская по репарациям из Германии, хлеб чёрный, водка русская, стаканы гранёные. Не хватало только отварной картошечки и солёных огурчиков или грибков для полноты картины, чтобы прочувствовать, что здесь собрались русские люди и здесь русским духом пахнет.

– Ну, что, вздрогнули, – по-русски сказал я и поднял стакан с водкой, – за здоровье, – перевёл я для мадам, сидевшей с маленькой рюмкой в руках.

Выпили, закусили и через какое-то время начало ощущаться то, что мы с дедом Сашкой только по случайности выскользнули из лап смерти. Я ещё раз внимательно посмотрел на хозяйку и никакой блондинности в ней не увидел. Значит, не опасна она для моего друга-приятеля Алехандро Гриваса.

– С недельку посидишь дома, – сказал я деду, – пусть физиономия твоя зарастёт. Я приобрету автомат для домашнего употребления, мало ли кто в дом ломиться будет. Телефонный провод заведём в квартиру в стороне от того, который сейчас есть. Пусть этот будет обманкой, которую оборвут, не подозревая, что ты можешь звонить, куда угодно. А я осмотрюсь по сторонам и подготовлю всё для нашей командировки по осмотру послевоенного мира.

Выпив ещё по полстакана водки, мы разошлись по своим комнатам. Я лёг в постель и начал раздумывать, куда нам отправиться в первую очередь. Где нас могут не найти? Пожалуй, только в СССР до нас не дотянутся. Там все иностранцы на виду. Фашистов и их пособников выявляют на каждом шагу. Националистическое подполье выковыривают всеми способами. Националисты как раз и были той благодатной почвой для ведомства товарища Гимmlера, которые использовались там, где арийцы хотели иметь чистые руки.

Надо отдать должное лидеру большевиков Сталину за проводимую им национальную политику: дома можешь себе иметь гарем и кушать халяльную пищу, а как выйдешь на улицу, то должен подчиняться тем законам, которые есть в государстве. Не знаешь – научим, не хочешь – заставим.

Лет через пятьдесят в СССР будет жить единый народ – советский. Это и будет единой национальностью. Только советский человек может быть руководителем СССР, потому что если допустить к управлению национального кадра, то начнётся стаскивание одеяла со всех в одну хату, до своего гурта.

Национализм как ржавчина, она разъест единое государство. То, что получится из великой державы, тоже будет разъедаться местным национализмом. Получившаяся из национального меньшинства титульная нация будет использовать сталинские и гитлеровские методы для удержания своего господства в тех пределах, в которых оно создалось великим государством. Диалектика это и никуда от неё не денешься. Вот только куда нам поехать с дедом Сашкой: на север, на юг, на запад или на восток? С этими мыслями я и уснул.

Глава 15

Мне снилось, что мы с дедом Сашкой снова приезжаем на секретный аэродром СС в Берлине. Только что перед нами приезжали какие-то люди, которые охранялись патрулями фельджандармерии, расстреливавших всех, кто там появлялся. В темноте пустого ангара двигаются какие-то тени. Я вижу очертания двух лёгких самолётов, около самолёта люди в гражданской одежде. Вот толстая мясистая физиономия Бормана, скуластое и худощавое лицо Мюллера и какого-то лысого человека рядом с красавицей. Приглядевшись к тени, я узнал в нем фюрера великой немецкой нации без волос и без дурацких усиков. Он смотрелся даже симпатично.

– Фюрер, мы летим вслед за вами, – доложил Мюллер, – генерал Франко все приготовил.

– Хорошо, Генрих, – сказал Гитлер, – мы создадим новую нацию, мультинацию, которая будет править миром, развязывать войны и разрушать государства. Я не успокоюсь, пока не накажу русских.

– Да, господин Браун, – ухмыльнулся Борман, – а как быть с евреями?

– Мы им простим все грехи, Мартин, – Гитлер потрепал Бормана по пухлой щеке, – и пригласим их с миллиардами долларов в свою мультинацию. На их место мы поставим русских, которые ломают планы всех, кто с ними связываются. Я ещё въеду в Москву на белом коне, и мне будут поклоняться десятки тысяч русских молодых людей в чёрной форме и с бритыми лбами. Но это будет чуть позже, когда все успокоится после войны. Генрих, вы уверены в том снадобье русского волшебника? – спросил Гитлер у Мюллера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.